

АМЕЛИЯ
БОРН

Я С ТОБОИ РАЗВОЖУСЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Амелия Борн

Я с тобой развожусь

«Автор»

2020

Борн А.

Я с тобой развожусь / А. Борн — «Автор», 2020

Я с тобой развожусь. Услышав эти слова из уст любимой жены, я готов сделать все возможное, чтобы не допустить расставания. Даже пойти на участие в проекте, который до этого считал полной ерундой. Сейчас же ставки слишком высоки. Особенно теперь, когда я обнаружил в ванной положительный тест на беременность, и гадаю, почему жена вместо признания в моем скором отцовстве заявила о желании разойтись. Или она беременна не от меня? Впрочем, в любом случае эту женщину я не отпущу... Содержит нецензурную брань.

Амелия Борн

Я с тобой развожусь

– Сделать кондей поменьше? – задаю вопрос жене, глядя прямо перед собой на дорогу. Пальцы чуть сильнее сжимают руль, как будто получить ответ на ничего не значащий вопрос – очень важно.

– Мне все равно.

Ей все равно. Это я уже понял. И именно поэтому мы направляемся туда, где, возможно, удастся спасти наш брак.

Сука, я даже не думал, что когда-нибудь докатимся до подобного.

Все же убавляю поток прохладного воздуха. Скашиваю взгляд на жену. Глаза, помимо воли, опускаются на ее совершенно плоский живот.

О том, что я в курсе беременности Маргариты, она сама не знает. И пока не узнает. Так нужно.

Тест с двумя полосками я обнаружил в нашей ванной с неделю назад, и когда уже собрался задать вполне закономерные вопросы, жена обезоружила меня фразой из четырех треклятых слов.

Я с тобой развожусь.

Именно это Марго и заявила мне, когда я сидел в гостиной в компании бокала виски и смотрел ничего не видящим взглядом на экран огромной «плазмы».

Размышлял в этот момент о том, в какой именно момент наша жизнь полетела к херам собачьим. Когда мы стали настолько далекими друг для друга, что даже за сраным завтраком у нас не находилось хоть пары слов о предстоящем дне?

Я запал на нее, едва увидел. Маленькая, хрупкая, но с огромными глазами, которые восторженно смотрели на мир вокруг. А эти веснушки на носу? Она их пыталась тщательно скрывать, я же – как последний идиот кайфовал от вида каждой из них.

Между нами были страсть, жажда друг по другу и разница в возрасте. В то время, как я готовился отмечать сорокалетие, Рита едва-едва переступила двадцатипятилетний юбилей.

Но и мне, и ей было плевать на все. На все нюансы, на то, что вылезало раз за разом в заголовках масс-медиа. Так было до недавнего времени. До дня, когда жена пришла ко мне и рассказала вместо новостей о беременности, что желает со мной развестись.

– Марго... мы сейчас поедem в одно место, – осторожно говорю, убрав руку с руля и потянувшись к пачке сигарет.

Я ненавижу это ее имя. Марго. Какое-то чужое настолько, что меня от него трясет. И все же сейчас готов сделать все по максимуму, чтобы только жена не обозлилась еще больше.

В следующий момент раздумываю курить. Дымить при ребенке, пусть даже он и окажется не моим, не собираюсь.

– В какое? – настороженно уточняет жена, повернувшись ко мне.

– Тебе там понравится.

Я старательно растягиваю губы в улыбке, но, наверно, получается плохо. Рита прищуривается, и ее взгляд начинает метаться по салону.

А ей ведь действительно понравится там, куда мы едем. Этот идиотский проект, который я спонсировал от нечего делать, поначалу казался мне верхом идиотизма.

Несколько пар на грани развода станут жить бок о бок в шикарном особняке. Будут встречаться – друг с другом и с психологами. Говорить о причинах скорого расставания. Пытаться спасти брак.

Черт, я ведь еще пару месяцев назад, когда отдавал указания перевести первый транш на это сомнительное действие, даже не задумывался, что сам добровольно стану участником подобного.

Но основополагающим фактором стало то, что я знал – жене действительно там понравится. В этом белоснежном доме, среди беспрестанного внимания по отношению к нам. И в то же время в месте, где не будет бесконечных звонков, моих совещаний, необходимости сорваться среди ночи на деловую встречу.

Где мы просто будем вдвоем. Ну, или втроем, хотя Рита и ни слова не сказала о нашем ребенке.

– Где понравится, Ян? – спрашивает она с опаской.

– Там, куда мы едем, – вновь увиливаю от ответа.

Рита недовольно морщится. Осматривается пристальнее, поворачивается ко мне и щурится. Мне не нравится ее взгляд, но все же удается натянуть на лицо лишнюю эмоцию улыбку.

– Григорьев, только не говори мне, что это будет тот самый проект, – с неверием шепчет Рита.

– Именно он, – признаюсь в задуманном.

Просто потому, что скрывать и дальше то, во что мы уже совсем скоро окунемся, поздно. Перед нами – большой особняк из белого кирпича. Обнесен забором, как будто мы не на шоу приехали, а в тюрьму собираемся сесть. Впрочем, я готов ко всему, лишь бы попытаться исправить случившееся.

– Не верю, что ты это делаешь, – растерянно продолжает жена, стоит мне остановить Кадиллак рядом с приветливо распахнутыми воротами.

– Я и сам не верю, – отвечаю с нервными смешком.

Рита хмыкает, и в этом проявлении эмоций ясно читаю затаенную боль. Черт бы все побрал! Мне очень хочется понять, из-за чего же мы все же разводимся. Не потому ли, что у жены уже давно другой, с которым она успела зачать ребенка?

Это злит настолько, что я впиваюсь в руль с такой силой, что чувствую боль в костяшках пальцев. Да уж... а ведь совсем недавно думал, что буду готов принять потомство чужого мужика.

– То есть, ты хочешь сказать, что готов выставить нашу жизнь напоказ? – недоверчиво уточняет Рита.

А мне ее к себе на колени перетянуть хочется. Впиться ртом в эти губы, с которых слетают слова с привкусом холода. Наказать за все, что с нами происходит.

– Готов, – киваю вместо этого.

Жена вдруг запрокидывает голову и смеется. Коротко и зло.

– Хорошо. Но у меня слишком мало нарядов, чтобы показаться перед публикой достойно.

– Что ты имеешь в виду? – с непониманием хмурюсь в ответ.

Рита делает глубокий вдох и закатывает глаза. Чувствую себя полнейшим идиотом.

– Те вещи, что я взяла с собой на эти пару дней – их слишком мало, – отвечает раздельно.

– И?

Нет, я все же чертов идиот, раз мне это кажется проблемой.

– И ничего, – пожимает плечами жена.

Выходит из машины. Я – следую за ней.

Когда подхожу, вижу, как Рита запрокидывает лицо навстречу солнцу. Обычно она так не делает. Наносит на кожу солнцезащитный крем, чтобы только не было веснушек. А мне всегда хочется сказать ей, что не стоит. Что каждый поцелуй солнца я готов стереть своими губами.

– Идем? – спрашиваю у жены, кивая на особняк, в котором нас уже ждут.

А ведь этот момент я совсем не продумал. И если сейчас Рита просто покачает головой, сорвется с места и сбежит, последнее, что сделаю – догоню и помимо воли потащу на проект.

Но жена, после некоторых раздумий коротко кивает и, с чуть насмешливым выражением на лице, направляется в сторону распахнутых ворот, оставив меня тупо смотреть на то, как покачиваются ее шикарные бедра в такт тем шагам, которые могут вернуть мне единственно важное в моей жизни.

Вспышки камер на мгновение ослепляют. Вздернув подбородок, растягиваю губы в приветливой улыбке. Той, за которой посторонним никогда не понять, что чувствую сейчас на самом деле.

Навстречу нам тут же спешит радостно щебечущая блондинка – вероятно, ведущая всего этого мракобесия. Невольно обращаю внимание на то, что она именно такая, какая могла бы понравиться моему пока-еще-мужу. Возможно, он выбирал ее на эту должность лично. Возможно, она...

Нет. Сейчас совсем не подходящее время, чтобы об этом думать. Запихиваю отравляющие мысли куда-то поглубже, продолжая улыбаться дежурной искусственной улыбкой, от которой сводит скулы. Но я привыкла. За время в браке с Яном Григорьевым научилась этой публичной фальши в совершенстве. И где-то за ее бесчисленными слоями потеряла саму себя.

– Мы рады приветствовать вас на шоу... – доносится до меня восторженный лепет ведущей.

Мне удастся улыбаться и кивать во всех нужных местах, хотя слушаю ее вполуха. Весь мир, кажется, сосредотачивается сейчас в той точке, где Ян берет меня за руку. Его прикосновение – властное, собственническое – вызывает внутри резкий взрыв полярных эмоций. По телу попеременно бегут мурашки и волны отвращения. Мне хочется одновременно вырвать руку и попросить его не отпускать. Но я понимаю – все эти прикосновения сейчас – наверняка рассчитаны на публику. И это то, о чем мне следует постоянно помнить.

Официальная часть шоу подходит к концу. Когда мы оказываемся в отведенном нам номере, с губ срывается потайной вздох облегчения. Прислоняясь спиной к двери, пробегаю по мужу быстрым взглядом. Не позволяю себе задержаться – кажется, что в этом случае просто сорвусь. Кажется, что он сразу прочтет меня, как очередной деловой документ, который лишь со стороны выглядит набором непонятных формул и который совершенно ясен для него одного.

Может, в этом и есть моя проблема? Я была с ним слишком открытой. Слишком доверчивой. Стала покорным приложением к богатому успешному мужу. А что такое я сама? Не потому ли он потерял ко мне всякий интерес, что вся моя жизнь вертелась вокруг него одного?

Снова чувствую себя той самой простушкой, каковой и являлась до встречи с Яном. Нелепая веснушчатая девчонка, ненавидящая каждый свой изъян. Наивная настолько, что действительно думала, что мы с ним – раз и навсегда.

Между нами сейчас лишь несколько метров и сотни невысказанных слов. Это расстояние – такое короткое и вместе с тем совершенно недостижимое, вдруг начинает душить. Порывисто выскакиваю за дверь, пытаюсь скрыться от этих ощущений. Сильная рука перехватывает мое запястье раньше, чем мне удастся сделать еще один шаг.

– Куда ты? – спрашивает требовательно и от этого тона пропасть между нами, кажется, становится еще шире.

– За покупками. Мы ведь, вроде бы, не в тюрьме?

Ответить удастся спокойно. Тем давно заученным скучающим тоном, каким приходится переговариваться на светских раутах.

– Я тебя отвезу, – говорит уже мягче, но в каждом слове слышится скрытая безапелляционность.

– Нет, я вызову такси, – отрезаю сразу.

Кажется, что он собирается открыть рот, чтобы поспорить, но неожиданно просто покорно кивает. И только когда отступаю на шаг, замечаю мелькнувшее в его взгляде подозрение. И остается только гадать, что кроется сейчас в мыслях некогда самого близкого человека на свете.

– Ты чо, рофлишь? – выдыхает удивленно Элеонора, когда я рассказываю ей об этом затеянном Яном шоу.

По ее манере речи можно подумать, что рядом со мной сейчас стоит подросток, но нет. Элеонора – моя бабушка по материнской линии. И она из тех, кто категорически не сдается перед возрастом. И в рамках этой борьбы в ход идут абсолютно любые средства, включая молодежный слэнг. Порой мне приходится даже лезть в гугл, чтобы понять, о чем она мне говорит. И в такие моменты я чувствую себя так, будто мы поменялись ролями и это я при ней – великовозрастная матрона, а вовсе не наоборот.

Хотя в каком-то смысле все так и есть.

– К сожалению, я не шучу, – откликаюсь на ее вопрос.

Элеонора выражает изумление одними лишь глазами – она тщательно следит за своей мимикой. И это тоже часть ее бесконечного освободительного движения против морщин. Ее целеустремленности в этом деле мог бы позавидовать любой революционер.

– Офигеть! – выносит бабуля свой вердикт и вдруг заговорщически мне подмигивает:

– А с другими участниками шоу ты уже виделась? Может, там есть кто-то дико сасный? И ходить далеко не надо – подберешь прямо горяченьким!

– Ба! – морщусь в ответ с укоризной, но она тут же шипит в ответ:

– Не называй меня так на людях! И не морщи нос – будут заячьи морщины! Они плохо поддаются уколам!

Последнее, о чем мне хочется сейчас думать – это об уколах и морщинах. Обо всем том поверхностном и наносном, когда куда более серьезные, непоправимые трещины расползаются сейчас глубоко внутри меня.

– А ты не говори ерунды, – парирую в ответ, но бабуля ничуть не смущается:

– Это не ерунда! Я всегда говорила, что этот старпер тебе совершенно не подходит!

– Он зрелый мужчина...

– Перезрелый он! – гнет свое Элеонора. – Вот поживи с мое и поймешь – мужчин надо заводить куда моложе себя. Они такие горячие, когда еще не испорченные...

– Ба, избавь меня!

– Еще раз назовешь меня «ба» – и я не избавлю, а избавлюсь! – возмущается она.

– Прости, Элеонора, – вздыхаю покорно. – Но давай не будем затевать старый спор.

– Ладно уж, – великодушно соглашается она и вдруг, обернувшись ко мне, едва не подпрыгивает на месте от восторга:

– Слушай, так я смогу делать обзоры на ютубе на каждый выпуск этого шоу!

Улыбка сама касается губ при виде того, как загораются ее глаза. Я даже завидую ее увлеченности тем, что она делает. Бабуля – живой пример того, как надо прожить жизнь, чтобы породить зависть у других. В свои шестьдесят с лишним лет – она успешный блогер, который умеет со вкусом хайпануть на чем угодно. В свои двадцать пять я завидую ее свободе мыслей и поступков.

– Давай все же сосредоточимся на моем гардеробе, – перевожу тему и, кивая на платье в витрине, уточняю:

– Как тебе это?

– Зашквааар, – протягивает она недовольно, но тут же оживляется, увлекая меня за собой:

– А вот этот голубой комбинезончик – то, что надо!

– Как съездила?

Ян задает этот вопрос, как только я вхожу в нашу общую гостиную, что отделяет его спальню от моей. Прямо как в лучших домах Лондона! Встретились, перепихнулись и – до свидания!

– Нормально, – ограничиваюсь коротким ответом.

Ян отрывает глаза от ноутбука и вдруг окидывает меня таким взглядом, что я вмиг чувствую себя голой. Появляется даже инстинктивное желание прикрыться, как бы ни было это нелепо рядом с тем, кто знал мое тело до мельчайших черт.

– Может, продемонстрируешь? – интересуется вкрадчиво, плавно поднимаясь на ноги.

Я невольно отступаю.

– Кажется, мы здесь не за этим.

– А за чем же?

– Это ты мне скажи!

Я действительно хочу знать. Не думает же он на самом деле, что это шоу способно решить наши проблемы? Нет, наверняка с его стороны все это – лишь очередной пиар-ход. Один из спонсоров громкого шоу переживает проблемы в браке и готов решать их напоказ! Что может быть более завлекательным?

От этой мысли становится слишком горько. Как и от понимания – для меня все уже решено. Рядом с ним меня держит вовсе не надежда склеить то, что склеить невозможно. Нет. Мой путеводный маяк – глухая боль, копошащаяся внутри, словно клубок змей на дне пустого колодца – то затихающая, то безжалостно жалающая, выродившаяся в отчаянную потребность услышать от него добровольную правду.

Вот и все, что мне было нужно.

– Я думал, что это понятно. Я хочу все исправить, – доносится до меня голос мужа.

Исправить... как поломку в технике. Но отношения – не схематичный механизм, который можно наладить, заменив пару вышедших из строя деталей. Наш брак – как прохудившееся полотно, которое как ни штопай, а оно все равно продолжает ползти в тех местах, где случились разрывы.

– Ясно, – отвечаю отстраненно и вздрагиваю, когда сильные пальцы впиваются в мои плечи.

– А вот мне ни черта неясно! – выдыхает сквозь сжатые зубы. – Где ты была? С кем?

Смотрю на него потрясенно. С губ срывается неверящий смешок.

– Ты это серьезно?!

Порывисто подхватив с пола бесчисленные пакеты, кидаю их в Яна. Яркая ткань одного из платьев вспыхивает в воздухе, как резкий всполох пламени и тут же оседает к его ногам, затихая так же, как моя внезапная ярость.

– Можешь сам все примерить, – холодно подытоживаю, прежде, чем уйти в свою часть апартаментов.

Сомнения охватывают меня уже в тот момент, когда мы с Ритой устраиваемся напротив женщины с короткими волосами. Она смотрит на нас вроде как дружелюбно, но я хорошо знаю этот взгляд. При случае, психолог будет блюсти свои интересы и интересы проекта прежде всего. Будь я хоть трижды спонсор. Что ж, напомнить о том, за чей счет этот банкет, – никогда не поздно.

Моя жена напряжена, хоть и пытается это скрыть. После того инцидента, вследствие которого в меня полетело разноцветное новоприобретенное тряпье, мы вроде как общаемся. Но с такой натяжкой и холодом в каждом произнесенном слове, что у меня позвоночник леденеет.

Особенно от понимания, что мы действительно можем разойтись в самом обозримом будущем.

– Рита, Ян, – обращается к нам психолог. – Я – Марта. Сегодня мы проведем первую встречу без камер. Мне важно будет узнать о вас как можно больше.

Она дежурно улыбается, переводит взгляд с меня на Риту и обратно. Сомнения в том, что поступил верно, притащив сюда жену, захлестывают с головой.

– Если важно – узнавайте, – говорю, пожимая плечами, прежде чем Маргарита выскажется.

В этих словах – лишь желание защитить. Защитить от того, во что сам ее и втянул.

– Инициатором развода является Марго, я верно понимаю? – уточняет Марта.

Рита опалает меня быстрым ядовитым взглядом. Поджигает губы и отворачивается. Чувствую себя предателем.

– Да, я хочу с ним развестись, – чеканит жена.

Не с Яном. Не с мужем. С ним. Вот так вот.

– Почему? – склоняет голову набок психолог.

– Почему? – вторю ей.

Впиваюсь взглядом в лицо Риты. На нем такая растерянность, словно она впервые сама задала себе вопрос – почему же она хочет со мной развестись. И на него у нее нет ответа.

– Просто хочу и все, – наконец пожимает она плечами.

Вновь надевает на лицо ту маску, которую я знаю досконально. Это не моя Маргарита. Не та женщина, которая с ума сходила по мне, и от которой у меня самого срывало крышу каждый раз, когда она просто была рядом.

– То есть, причины нет? – уточняет Марта, записывая что-то в лежащем перед ней блокноте.

– А желание разойтись – это не причина? – хмыкает Рита.

Мы оба, как по команде, поворачиваемся к ней. Не знаю, что там в голове и ощущениях психолога, я же чувствую сейчас, как по позвоночнику пробегает ледяной озноб. Настолько отстраненно говорит жена о том, что для меня является самым настоящим триггером.

– Оно в любом случае не должно было возникнуть из ниоткуда, Марго, – тихо, но все с той же дежурно-приклеенной улыбкой поясняет Марта. – Значит, о причине вы не знаете?

Да, бл*! Я хочу знать именно это – причину. И имею на это полное право, черт бы все побрал!

Смотрю на профиль жены. Она крутится в кресле, скрестив ладони перед собой в защитном жесте.

Туда-сюда, туда-сюда.

– Я. Просто. Хочу. Развестись! – наконец выдыхает Рита и, поднявшись на ноги, направляется к выходу.

Мы успеваем обменяться с Мартой короткими взглядами. В глазах психолога вижу то, что меня ужасает. Она – не понимает, что делать дальше, но соль не в этом. Суть в том, что это является отголоском того, что чувствую я сам.

Беспомощность.

Так не бывает.

Женщина, ради которой готов хоть на край света, просто не способна ни с того, ни с сего вести себя так. Даже если она беременна от другого.

– Рит!

Перехватываю жену на подходе к нашим апартаментам. Рядом никого. Да, Марта ведь сказала, что первый день мы проведем без камер. Это хорошо. А как будет уже завтра – не знаю.

– Что? – скидывает жена брови.

Разворачивается ко мне лицом и вновь отстраняется в этом своем защитном жесте. Как будто отгородиться от меня – означает возможность выжить.

– Если ты не хочешь здесь оставаться – мы уедем, – заверяю ее, понимая, насколько неподъемным может стать этот проект, если стал его частью помимо воли.

– Отчего же не хочу? – подергивает плечами Маргарита. – Очень даже хочу.

Впиваюсь в ее лицо взглядом. В этом – что-то сродни мазохизму.

– Уверена? – уточняю шепотом.

Разве она не видит, что сейчас я уязвим, как никогда?

Растерян, нуждаюсь в ответах на те вопросы, что мучают изнутри.

– Уверена, – кивает Рита и скрывается за дверью, ведущей в наши апартаменты.

Самые комфортные из всех, чтоб их!

Вхожу за ней через пару минут. Слышу, как жена принимает душ. Сам же просто сажусь на диван и, сцепив руки в замок, смотрю на них ничего не видящим взглядом.

Правильно ли сделал, что довел до подобного? Не знаю. И дело совсем не в том, что теперь мы под прицелами камер и на виду у миллионов. Разве эта плата не минимальна за то, чтобы вернуть себе возможность дышать?

Дело в комфорте Риты. В том, что она должна чувствовать себя защищенной в первую очередь. Но, кажется, именно в этом аспекте я обосрался на все сто.

Поднявшись, запираю дверь, словно опасаясь, что в нее начнут ломиться извне, и иду на кухню. Завариваю себе крепкий кофе, хотя вместо него хочется выпить виски.

Завтра – первый день шоу, к которому я совершенно не готов. К которому в еще большей степени не готова моя жена. Но это наш единственный шанс.

Сука... совсем недавно я и предположить не мог, что в решении самых важных вопросов я стану полагаться на тех, кто к ним не имеет совершенно никакого отношения...

– Приветствую всех на первом выпуске нашего телешоу!

От новой порции радостного щебета ведущей у меня, кажется, сводит зубы. Когда нас объявляют, мы с Яном, как и все прочие, устраиваемся на одном из диванов, стоящих по всему периметру комнаты, приспособленной под студию. В этот момент я чувствую себя до тошноты глупо, будто участвую в какой-то пошлятине вроде «давай поженимся» или «пусть говорят».

– Для начала давайте познакомимся с участниками! – продолжает, тем временем, блондинка. Как выясняется чуть позже, зовут ее Алиса. – Наша первая пара – Ян и Маргарита!

Она подскакивает к нам и я вскидываю на нее взгляд. Наблюдаю, как она устраивается рядом и, подаваясь ко мне, интересуется:

– Нам всем очень интересно, с чего же началась ваша история, Рита...

– Марго, – поправляю ее безапелляционным тоном.

Я ненавижу, когда меня называют Ритой. Наверно, почти также, как Элеонора ненавидит, когда я зову ее на людях бабушкой. Это имя – простое и безыскусное – словно отбрасывает меня куда-то назад, к той нелепой девчонке, которую я в себе похоронила. Именно она была Ритой, неуклюжей и нескладной. Я же теперь – Марго, светская львица и жена одного из самых влиятельных людей города.

Пока еще жена. И до тех пор, пока я нахожусь в данном статусе, старая добрая Рита совсем не вписывается в эту надоевшую до скрипа зубов жизнь.

– Да, Марго... – поправляется ведущая и, скрывая неловкость под белоснежной улыбкой, просит:

– Расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с мужем.

Уголок губ невольно содрогается в кривой улыбке. Я прекрасно понимаю, к чему это все идет.

– Мы познакомились в ресторане, где я работала официанткой, – отвечаю умышленно коротко и безэмоционально. Потому что четко сознаю – нами пытаются манипулировать. Пробудить те воспоминания, после которых все участники дружно должны воскликнуть: «ах, как прекрасно мы жили! И зачем мы вообще разводимся?»

Но ключевой момент здесь – прошедшее время. И я не намерена позволять себе той слабости, на которую сейчас так бесцеремонно пытаются надавить. Я боюсь того, что за этим последует – сомнений в принятом мною решении. Сомнений, которых нельзя допускать.

Кажется, Алиса обескуражена моим лаконичным ответом. Она смотрит на Яна, ожидая от него, что он добавит к сказанному мной что-то еще. И в этот момент я испытываю какое-то иррациональное желание услышать от него нечто сентиментально-глупое. Вроде того, что когда наши глаза впервые встретились, его мир перевернулся с ног на голову... Я и сама не знаю, почему это вдруг становится таким важным, но потребность увидеть его эмоции вспыхивает болезненным пожаром. Я даже вскидываю на мужа глаза в ожидании его комментария, но он в итоге произносит лишь:

– Ну да, что-то вроде того.

Мне хочется резко рассмеяться. В первую очередь – над собой и своей глупостью. Я ведь заранее знала, что именно так он и ответит. Зачем ждала чего-то несбыточного?

Возможно, ему вообще стыдно вспоминать историю нашего знакомства. Может, он стесняется, что его жена была простой официанткой? И уж тем более ему вряд ли хочется рассказывать, как в тот день я неловко опрокинула на него содержимое тарелки, не донеся ее до стола.

Но ведущую наша неразговорчивость, похоже, уже не смущает. Глядя на меня, она говорит восторженно:

– Так это же настоящая история Золушки! Ну разве не миииило?

На ее риторический, в целом, вопрос, другие пары послушно аплодируют. Мне же все это вовсе не видится милым. Подобные истории кажутся таковыми лишь в детских сказках, а в реальности такое положение – скорее унижительно. Но в том, что я так и не стала представлять из себя нечто большее, чем аксессуар Яна Григорьева, я могу винить лишь саму себя.

Ведущая переходит к другим парам и я сосредоточиваюсь теперь лишь на том, чтобы дотерпеть до конца съемки. Хотя происходящее в какой-то степени даже забавляет. В глаза сразу кидается то, насколько неловко на этом шоу чувствуют себя практически все мужчины. Словно хищники, которых посадили в клетку и дразнят на потеху алчущей публике.

– А теперь у нас для вас сюрприз! – провозглашает наконец Алиса. – Вы все наверняка помните свое первое свидание? Мы поможем вам пережить его заново!

Я понимаю, что могу нормально дышать лишь когда выскакиваю из импровизированной студии в коридор. Шагаю так быстро, будто за мной кто-то гонится. Впрочем, это вдруг оказывается не так уж и далеко от истины.

– Маргарита! – окликает меня кто-то и я поворачиваюсь так резко, что следующая за мной женщина едва в меня не врежется. Узнать ее оказывается нетрудно – это одна из участниц шоу, которая, судя по прошедшим съемкам, была весьма разговорчива. Даже, пожалуй, чрезмерно.

– Да? – откликаюсь вежливо и на это единственное короткое слово она тут же расплывается в улыбке и заявляет:

– Я вот подумала – а почему бы нам не познакомиться поближе? Все-таки под одной крышей живем!

На мой взгляд, это вовсе не повод меня преследовать, но от ее живого взгляда возражения как-то сами застревают в горле.

– Наверно, вы правы, – отвечаю уклончиво. – Думаю, у нас позже будет для этого время.

Отстраненно улыбнувшись, я продолжаю путь к своим апартаментам, но женщина явно не понимает намека, потому что упорно идет следом.

- Меня Маша зовут, – говорит она, стараясь идти в ногу со мной.
- Да, я запомнила.
- О...

Это ее «о» так и повисает в воздухе. Мы доходим до апартаментов и она внезапно говорит:

– А почему бы нам не посидеть по-дружески прямо сейчас? Мы с Вовчиком привезли с собой из дома колбасу нашего собственного производства! Я сама ее коптила, этими самыми руками! Да что тут рассказывать? Сейчас принесу и угощу!

Она исчезает также быстро, как появилась, оставляя меня лишь недоумевать над тем, как легко и непринужденно напросилась на эти самые дружеские посиделки.

Усмехаясь этим мыслям, я захожу в свою гостиную, оставляя дверь приоткрытой в качестве приглашения. Хотя новая знакомая, кажется, вовсе не нуждается в подобных церемониях.

Маша возвращается спустя пять минут. И в руках у нее – о Боже! – действительно палка колбасы.

– Ничего себе! – присвистывает Маша, проходя в гостиную. – Вот это хоромы! Похоже сильно тебя любит муж, Ритка!

Мне снова хочется рассмеяться. И даже не знаю, от чего больше – от этого панибратского «Ритка» или от предположения, что Ян меня любит?

– Ты так считаешь? – уточняю с усмешкой и Маша смотрит в ответ с искренним удивлением:

– Конечно! У нас-то комнатухи куда скромнее!

– То, что мужчина тратит на тебя деньги – вовсе не значит, что он тебя любит, – вырывается у меня с неожиданной горечью.

– Разве? – снова изумляется Маша. – А я тебе, подруга, так скажу – не станет мужик вкладываться в то, чем не дорожит! Даже копеечки не потратит! Знаешь, было у меня раз такое... жили мы тогда с Вовчиком совсем бедно, студентами еще были. Перебивались, можно сказать, еле-еле. И вот восьмого марта приносит Вовчик мои любимые тюльпаны! Сказал, что сэкономил те деньги, что на проезд, чтобы меня побаловать... Понимаешь? Уж сколько лет прошло, а ничего более ценного, чем те тюльпаны, мне никто никогда не дарил!

Я поджимаю губы, потому что они неожиданно начинают дрожать. Конечно, я ее понимаю. Вот только глупо сравнивать бедного студента с Яном Григорьевым, который может позволить себе абсолютно все.

– Ну а как же те, кто содержит любовниц для собственного удовольствия? – возражаю ей, когда ком в горле рассасывается. – Разве это любовь?

Маша ничуть не смущается:

– Конечно! Зачем же ему иначе тратиться? А ты колбасу-то ешь, ешь...

От запаха этой самой колбаски, которую Маша уплетает за обе щеки, меня начинает подташнивать. Но обижать новую знакомую вовсе не хочется, поэтому я говорю:

– Прости, что-то аппетита нет. Я лучше нам чаю заварю, а ты мне расскажешь, как вы вообще оказались на этом шоу? Кажется, что и у вас и так все хорошо. Колбасу вон вместе делаете, – усмехаюсь невольно.

– Да только колбасу и делаем, – вздыхает она неожиданно тяжело. – А так – больше никаких совместных дел и не осталось... И я вот подумала – а почему бы нам не сходить на эту передачу? Глядишь и вспомним, как это – жить как супруги, а не просто соседи...

Она продолжает говорить и я вдруг ловлю себя на том, что ее бесхитростная болтовня помогает мне расслабиться. Кажется, этот непринужденный разговор и чашка гречишного чая – все, что мне сейчас нужно.

Но где-то на задворках сознания беспокойно мельтешат мысли об обещанном организаторами свидании. Точь-в-точь таком же, как наше первое. И от этого я испытываю нечто странное. Те самые полярные желания, разрывающие душу в ошметки.

И впервые за время, что мы здесь находимся, задаюсь внезапным вопросом – а так ли все просто в мотивах моего мужа, как мне то представлялось?

– Ян Александрович, сегодня мы побеседуем с вами наедине. Это – часть нашей задумки. Когда рядом нет жены, вы станете пребывать в наименьшем стрессе, и...

Подняв ладонь и давая понять Марте, чтобы она замолчала, я с мрачным удовлетворением вижу то, чего и ожидал. Психолог поджимает губы, прищуривается. Но это длится ровно долю секунды. Следом она расплывается в улыбке и кивает, давая мне понять, чтобы я высказал то, что вертится на языке.

Черт, а мне ведь совсем не нравится чувствовать себя дрессированным псом.

– Не нужно объяснять мне, что и зачем происходит. Если так нужно – действуйте.

Покосившись на оператора с камерой, я мысленно закатываю глаза. Понятно, что у них тут свой регламент, с которым я априори соглашался, идя на это шоу. Но сейчас понимаю одно – раз уж они тратят на это добро мои бабки, пусть и прислушиваются к тому, чего желаю я.

– Скажите, Ян... как вы сами считаете, в чем причина того, что вы с Марго оказались здесь?

– С Ритой.

– Что, простите?

На лице Марты появляется искреннее недоумение. Приходится объяснить.

– Я оказался здесь с Ритой. И во время таких встреч, если они предполагаются и впредь, прошу называть мою жену именно так. Когда мы наедине, имею ввиду.

Скашиваю насмешливый взгляд на оператора с камерой. Наедине, ну-ну.

– Так в чем причина того, что вы с Ритой оказались здесь, Ян?

Марта очень быстро берет себя в руки. С одной стороны, это подкупает. С другой – снова чувствую тот сонм сомнений, который уже испытывал. Правильно ли поступаю? Не рушу ли в данный момент то, что у нас с Ритой еще осталось?

– Причина – в моем желании сохранить наш брак.

– Только в вашем?

– Надеюсь, что не только.

Подернув плечами, кручусь в довольно удобном кресле. Хороший вопрос психолога. Ведь я пока видел лишь потребность Риты поставить под документами о разводе свою подпись. И на этом – все.

– Исходя из нашей предыдущей встречи, я поняла, что желание Риты развестись вполне осознанное. Но мне и взаправду очень хочется понять причину. Поэтому спрошу у вас – вы даже не подозреваете, в чем она может заключаться?

– Нет!

Это слово произношу довольно громко, оператор отпрыгивает от камеры. Впрочем, быстро возвращается на исходные позиции. Отстраняюсь, встаю на ноги. Подойдя к окну, закладываю руки в карманы брюк.

Марта озвучила то самое, что и является для меня причиной полной расфокусировки. И именно с этим в первую очередь мне и придется работать.

– Хорошо. У меня встреча с вашей женой прежде чем вы отправитесь на свидание. Кстати, вы уже продумали, что именно озвучите администрации?

В голосе Марты – улыбка, на что резко поворачиваюсь, забывая о камере.

– Озвучу администрации? – не сразу понимаю, что именно Марта имеет ввиду.

– Да. Как и куда вы поведете свою жену?

Видимо, я не совсем понимаю условия проекта, потому что сейчас чувствую себя полнейшим дебилом.

– Разве не нужно воспроизвести наше первое свидание? – приподняв бровь, уточняю я, мысленно гадая, а не стоит ли послать все к херам и не увезти ли отсюда Риту прямо сейчас?

– Ну... да, нужно, – с явным сомнением в голосе произносит Марта.

– Тогда в чем проблема? – не понимаю я.

– Вы... помните о вашем первом свидании?

Она действительно шутит? Конечно, я помню. Даже вкус нашего первого поцелуя ощущаю сейчас, как будто он случился мгновение назад. Помню, в каком платье была жена, тогда еще будущая. Помню аромат ее духов. Не вычурных, не дерзких, а нежных, мягких, как и она сама.

– Я озвучу организаторам все, что мне понадобится для того, чтобы снова побывать с женой на нашем первом свидании, – чеканю я, после чего просто выхожу из кабинета психолога.

И надеюсь на то, что теперь все точки над «i» в вопросах того, нужно ли мне все это на самом деле – расставлены.

Наше первое свидание было... в парке аттракционов. Сам не знаю до сих пор, почему пригласил Риту именно в такое место. Наверно, после нашего знакомства, во время которого жена вылила на меня тарелку чего-то вроде буйабеса, она ожидала, что мы пойдем в дорогой ресторан. Рассчитывала на это...

Черт, почему сейчас меня посещают такие мысли? Рита никогда ни толикой своего поведения не дала понять мне, что находится рядом в первую очередь ради денег. Зачем же сейчас позволяю себе усомниться в этом факте?

Так вот – наше первое свидание было в парке аттракционов. Сейчас, стоя на балконе наших апартаментов и глядя на сад, весь в огоньках крошечных светильников, я осознаю, почему именно мы поехали туда.

Рита была такой юной, наивной, восторженной. Я же чувствовал себя лет на пятьдесят старше, хотя разница в возрасте между нами и не была настолько фатальной. И мне хотелось окунуться в то, что было в моем детстве. И чтобы Маргарита стала этой частью.

– Ты готова? – спрашиваю у жены, когда направляемся по дорожке, ведущей к воротам забора, окружающего особняк.

– Разумеется, – подергивает плечами жена.

Она напряжена. Она делает то, что, по ее мнению, и должна была делать все это время. Выглядит холодной, отстраненной. Старается соответствовать тому статусу, который занимает.

Мы устраиваемся в машине. Я гадаю о том, что же за разговор тет-а-тет был у Марты и Риты совсем недавно. А может, стоит хорошенько встряхнуть всех организаторов, воспользовавшись своим статусом, и вытребовать ответы на все интересующие меня вопросы?

– Как беседа с психологом? – интересуюсь, когда мы направляемся в парк.

На переднем сидении машины сидит оператор с камерой и раздражает меня так, словно это надоедливый комар, жужжащий над ухом ночью.

Рита тут же ошетиливается.

– Разве тебя это касается?

Да, любовь моя. Меня это касается. До тех пор, пока не поверю в то, что ты действительно ко мне охладела. Или что ты носишь под сердцем не моего ребенка. Хотя, и в этом случае я сделаю все, чтобы ты осталась со мной.

– Меня касается все, что касается тебя, – произношу безапелляционным тоном, но когда Рита хмыкает, поясняю: – Я хочу, чтобы тебе было комфортно. И если ты не готова к подобным условиям проекта, мы просто с него уйдем.

Что будет в этом случае – не представляю. На него возложены все мои надежды, хоть это и корежит. Я надеялся, что смогу решить свои проблемы с женой самостоятельно. До недавнего времени.

Впиваюсь взглядом в лицо Риты. Она поджимает губы и смотрит прямо перед собой. Я знаю – хочет ответить мне и тщательно подбирает слова. Но вместо этого восклицает:

– Ян! Ты это... серьезно?

Только теперь понимаю, что машина остановилась перед воротами, ведущими в парк аттракционов. И сейчас прямо перед нашим взором – то самое колесо обозрения, где мы уже были. Огромное, подсвеченное яркими огнями.

– Совершенно серьезно, – заверяю я Риту, после чего, покинув машину, быстро обхожу ее и, распахнув дверцу для жены, подаю ей руку: – Приглашаю тебя снова на наше первое свидание... Марго.

– Не думала, что ты помнишь...

Голос скатывается куда-то в шепот. Ловлю себя на том, что стою, как дурная, перед воротами парка и не могу сделать ни единого шага вперед. Это – как перейти очерченную собой же грань, за которой – те самые эмоции, которых не должна допускать. Потому что вспоминать, как хорошо было когда-то – это значит пройти по собственным нервам раскаленной железной кой. Совсем не то, что нужно в моем нынешнем положении.

– Я помню все... – раздаётся над ухом шепот и по телу вихрем несутся непрошенные предательские мурашки. Чувствую, как дыхание Яна касается моей шеи и ничего не могу поделать с тем, как тело в одночасье капитулирует перед его близостью. Тело, но не разум.

Он вдруг делает вдох, глубоко втягивая в себя воздух, и я оборачиваюсь, вопросительно на него глядя. Странно, но он в ответ лишь улыбается. Какой-то той, давно забытой открытой улыбкой, от которой у меня сейчас, как и когда-то, годы тому назад, подкашиваются колени.

– Я помню, например, что на нашем первом свидании на тебе были именно эти духи, – выдыхает он хрипло, а я вдруг ощущаю, что стремительно краснею, будто меня поймали на чем-то дурном.

Действительно не думала, что он вспомнит. Скромная, достаточно бюджетная «Флора» осталась где-то далеко в прошлом, вместе с моей прошлой жизнью. В то время она была для меня настоящей драгоценностью, потому что даже небольшой флакончик туалетной воды сильно бил по карману. Впрочем, не меньшей ценностью «Флора» обладает для меня и сейчас. Она – как эмоциональный проводник в те времена, когда я была счастлива. И все эти годы, пылясь на полке среди высокомерного общества весьма недешевых «Амуажей», она осталась для меня самыми дорогими духами на свете. И сегодня я поддалась этой эмоциональной слабости – нанести ее на себя, позволить прикоснуться к коже интимным шепотом, повествующим обо мне прежней.

Не могу отказать себе в том, чтобы внимательно посмотреть на мужа. Этот тонкий запах чуть припыленных цветов между нами с головой окунает в воспоминания, действуя лучше всяких слов. Ответный взгляд Яна, кажется, буквально пылает. Я вдруг с содроганием понимаю – он тоже видит во мне сейчас ту девчонку, что впервые встретил. И следом приходит осознание – он смотрит на меня сейчас точно так же, как на том первом свидании – жадно, почти восторженно. Как не смотрел уже давно. Как не смотрел никто и никогда до него.

– Идем, – произносит он почти одни губами и я понимаю, как близка была мгновение назад к тому, чтобы забыть обо всем на свете. Обо всем, что нас разделяло.

– Идем, – киваю царственно и, сделав глубокий вдох, шагаю в объятия вечернего парка. .

Беглый осмотр помогает понять – здесь все действительно точно так же, как было тогда. Ни единой души вокруг, словно весь мир вымер, кроме нас двоих. Гирлянды-сердца, свисающие с ветвей деревьев. Легкая, ненавязчивая музыка, доносящаяся словно бы издалека. Эту мелодию я безошибочно узнаю сразу.

– Strangers in the night, – выдыхаю удивленно и снова не могу сдержать дрожи. Все это оказалось куда сложнее, чем я думала. И как мне теперь сопротивляться очарованию этого вечера и притягательности мужчины рядом? А может, и не нужно вовсе всему этому противиться?

Завтра мы еще успеем снова стать молчаливыми противниками в схватке, где я упрямо жду его признания, а он – делает вид, что ничего не происходит. Завтра... а сейчас, быть может, следует позволить себе побыть прежними? И не портить наше первое свидание, воспроизведенное с такой точностью, почти... любовью?..

Ян следует рядом бесшумной тенью. Даже это молчание, в котором мы двигаемся на блеск огней колеса обозрения, напоминает тот первый раз. Кажется, Григорьев никогда не был любителем зря болтать языком. Он – человек действия, прочесть которого можно лишь по его поступкам.

Когда мы подходим к колесу, Ян с удивительной легкостью, словно мальчишка-подросток запрыгивает в него первым и галантно протягивает мне руку:

– Разреши тебя пригласить, Марго.

– Рита, – вырывается в ответ как-то само собой. Удивленная собственным порывом, я добавляю:

– Хочу побыть сегодня просто Ритой.

– Рита... – повторяет Ян с улыбкой и я неуверенно, словно действительно в первый раз, вкладываю свою ладонь в его.

Колесо медленно трогается с места, а я неожиданно ощущаю такую легкость, словно вместе с отрывом от земли с души слетает вся тяжесть, делая меня саму какой-то воздушной и невесомой.

– Знаешь, что мне всегда в тебе нравилось? – неожиданно спрашивает Ян.

Он стоит позади меня. Мы не соприкасаемся ни в единой точке, но его голос звучит так глубоко, так интимно, что мне кажется, будто все пространство кабины заполнено им. Как всегда был им одним заполнен мой мир.

– И что же? – спрашиваю, стараясь говорить ровно.

– Твоя непосредственность. Простота. Свежесть, которую ты привнесла в мою жизнь.

Я резко оборачиваюсь к нему. Возможно, он хотел сказать нечто приятное, но его слова обжигают, как кипяток.

– То есть все то, чего во мне не осталось? – уточняю с усмешкой. – Что ж, это многое объясняет.

Тяжелые, но удивительно нежные руки опускаются на мои плечи, властно сжимают. Он уверенно чеканит в ответ:

– Осталось. Просто ты сама об этом забыла.

Опустив голову так, что волосы падают на лицо, скрывая его от постороннего взгляда, я негромко смеюсь. Огромного труда мне стоит не задать вопрос, который буквально прожигает язык своей горечью.

– Ты бы и сам не хотел, чтобы рядом с тобой была неуклюжая простушка, – отвечаю Григорьеву, снова поворачиваясь к стеклу кабинки, за которым проплывает в вечерних огнях панорама города, зеркально отражающаяся в речных водах.

– Я полюбил именно эту простушку, – говорит он обезоруживающе. Но следующая фраза все портит:

– Меня трогало в тебе все. Даже твоя наивность...

Мои ладони отчаянно впечатываются с размаха в стекло. О да, я могла представить, как его устраивала моя наивность! Как легко было мне лгать и знать, что поверю всему. Как легко манипулировать моей слепой преданностью!

– Я сказал что-то не то? – уточняет он и в голосе слышится тревога.

Резко начавшийся дождь избавляет меня от необходимости отвечать. Он остервенело молотит по стеклу, порождая внутри какую-то отчаянную тоску и чувство полной безнадежности, от чего хочется выть в голос, но глаза остаются болезненно-сухими.

– Спасибо за вечер, – говорю, когда колесо останавливается.

Ян не отвечает. Молча выходит из кабинки, помогая мне спуститься. И только когда влажная от дождя трава касается ног, Григорьев ловит мой взгляд и произносит:

– Это еще не конец.

От обещания в его глазах снова прошибает дрожь. Инстинкт самосохранения буквально бьет тревогу, но та самая наивная Рита внутри меня его игнорирует. Принимая протянутую руку, я доверчиво следую за Яном в неизвестном мне направлении. Снова.

Но жалеть об этом стану только завтра.

– Кажется, во время нашего первого свидания мы ужинали... картошкой-фри и чизбургерами, – склоняет голову набок Рита, когда мы добираемся до накрытого на двоих столика.

В ресторане никого, его закрыли по особому случаю – для съемок передачи, в которой участвует сама чета Григорьевых.

Но сейчас не хочу об этом думать. Даже оператор уже не кажется назойливой мухой, раздражающей одним своим наличием.

Слова жены откликаются внутри тем, от чего в груди начинает печь. Все же эта задумка с первыми свиданиями, надо сказать, определенно неплоха. Я как будто там, в прошлом, где мы действительно ели картошку-фри и чизбургеры вместо того, чтобы пойти в ресторан средиземноморской кухни. Потому что этого захотела Рита.

– Ну, совсем необязательно же ехать в макавто, – пожимаю плечами, довольно улыбаясь и отодвигая для жены стул. – Нам приготовили самый лучший фастфуд в самом лучшем ресторане.

Замечаю мелькнувшую на лице Риты тень. Но она исчезает так же быстро, как и появилась. Черт... может, взаправду стоило поехать именно в макавто? Выкинуть по пути оператора, сделать заказ. Набрать как можно больше всякой несусветной, но безумно вкусной гадости и уминать ее вдвоем?

Впрочем, ответа на этот вопрос я не узнаю, потому что уже этого не сделал.

– Знаешь, что сейчас испытываю? – спрашиваю у Риты, когда мы, в полном молчании, приканчиваем порцию довольно сносной картошки.

– Не знаю, – честно признается жена.

Смотрю на нее и ловлю себя на мысли, что тоже не умею читать ни ее эмоций, ни ее настроения. А ведь раньше все было иначе. Я просто... разучился.

– Что машина времени – вполне себе реальное изобретение.

Рита хмурит брови, берет чизбургер, разворачивает его, но, немного подумав, откладывает в сторону. Гадаю, что тому причиной – нежелание портить фигуру, или токсикоз. В последний момент удается сдержаться и не задать тот вопрос, который тревожит больше остальных.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает она.

– Что вот такие моменты и возвращают нас в прошлое.

– И тебе нравится в этом прошлом?

– А тебе?

Смотрим друг на друга несколько бесконечных секунд. Рита не выдерживает прямого взгляда первая. Отводит глаза, чуть опускает голову.

– Перестань отвечать вопросом на вопрос, Григорьев.

– Да, мне очень нравится в нашем с тобой прошлом, – признаюсь откровенно, и Рита вновь смотрит на меня этими своими безумно красивыми глазами. – И все же, ответь и ты.

Жена прикусывает нижнюю губу, как будто тоже едва сдерживается, чтобы не сказать то, что само просится наружу.

Быстро кивает, и делает вид, что увлечена стаканом сока, который вертит в руках.

– Ты... не изменила своего желания? – вдруг выпаливаю я, даже не успев обдумать того, о чем спрашиваю.

Рита втягивает в себя кислород двумя рваными вдохами. Сначала кажется, что она пронесет те слова, которых так жду.

Что я прогоню к херам оператора, мы просто поговорим, после чего пообещаем друг другу начать все с начала и больше не допускать тех ошибок, которые привели к этому краху.

Но следом на лице Риты появляется уже знакомое мне выражение – с привкусом холода. Она уверенно мотает головой.

Это злит, но злость приходится сдержать.

– Давай возвращаться, – говорю отстраненно, поднимаясь на ноги и мгновением позже отодвигая стул Риты.

Хочется услышать, что она бы хотела остаться на нашем «первом» свидании, но жена просто идет к выходу, давая понять, что согласна – нам нужно возвращаться.

Правда, всего лишь на шоу.

– Ян Александрович, сегодня мы снова поговорим с вами наедине.

Вроде бы, к этому начинаю привыкать, хотя, мне всегда казалось, что на подобную терапию супруги должны ходить вдвоем. Но здесь, на этом реалити, видимо, свои правила. И организаторы будут думать прежде всего о рейтингах и зрелищности. Об этом ни мне, ни Рите забывать не стоит.

– Я слушаю, Марта.

– Как впечатления от вашей с Ритой поездки? – дежурно улыбается мне психолог.

– Хорошие.

– И вам, и вашей жене все понравилось?

– Более чем.

Марта поджимает губы. Видимо, недовольна моими односложными ответами. Впрочем, мне плевать.

– Скажите, Ян... вы любите Риту?

Вопрос даже не ошарашивает. Обескураживает настолько, что я сижу и какое-то время с непониманием смотрю на психолога.

– Моя жена была у вас на таком же разговоре? – отвечаю вопросом на вопрос, подаваясь к Марте.

Снова вижу недовольство, но, учитывая тот факт, кто платит за весь этот балаган, психолог умудряется его скрыть.

– Была.

– И что ответила на такой же вопрос?

Марта снимает очки, протирает их, не глядя на меня. Вновь водружает на нос и, чуть улыбнувшись, теперь уже более тепло, признается:

– Ей этот вопрос мы не задавали.

Понятно. Не хотят услышать то, от чего у меня самого позвоночник холодом сковывает. Что чувств со стороны Риты больше нет.

– Я люблю свою жену, – отрезаю глухим тоном и поднимаюсь из-за стола. – Если бы не любил, меня бы здесь не было.

Не дождавшись ответа, выхожу от Марты. Нужно будет крепко задуматься о том, не стоит ли прекратить все это, смирившись с обстоятельствами и непониманием.

Хотя, кажется, вот-вот грядет тот самый разговор, который и должен расставить все точки над «i». Когда и я, и Рита обнажим то, что тщательно скрываем. А уже после...

Что будет после, в данный момент я даже боюсь представлять.

– Рита, если вы будете так уклончиво отвечать на все мои вопросы, ничего не получится.

Марта смотрит на меня с молчаливым осуждением. Наверно, не будь Ян спонсором этого шоу, и психолог уже давно прекратила бы попытки со мной поговорить, сопроводив их на прощание напутствием на чистом русском. Но зная, кто платит за этот бал, она терпеливо ждет и это вызывает у меня приступ отвращения. Не к ней, нет. К собственной жизни, где люди ищут контакта с тобой не из-за того, что ты им нравишься, а только потому, что твой муж чертовски богат. Бесконечный круг лицемерия, в котором я верчусь, как запертая наглухо белка.

– Марта, послушайте, – решаю начать разговор прямо. – Вы делаете свою работу, но я хочу сказать вам честно – я не намерена обсуждать те вопросы, на которые вы пытаетесь получить ответы.

– Но это часть шоу и вы согласились в нем участвовать, – возражает она, наклонив голову и изучающе на меня глядя. – Для чего тогда вы здесь, Рита?

Для чего я здесь? Хороший вопрос, который я и сама себе задаю. И раз за разом понимаю – первоначальная цель дождаться от мужа честности сейчас перетекает в нечто совсем неожиданное. В потребность понять Яна и его мотивы. Понять саму себя.

– Мой муж решил участвовать и я последовала за ним, как поступила бы любая хорошая жена, не так ли? – отвечаю психологу и губы сами собой изгибаются в горькую усмешку.

– А вы считаете себя хорошей женой?

Снова вопрос прямиком по больному месту. Считаю ли я себя таковой? Я сделала, кажется, все, чтобы быть идеальной. Но сейчас все чаще понимаю, что чем более безупречной пыталась быть, тем дальше это оказывалось от понятия хорошей жены. Такой, какой хотела бы являться на самом деле.

– Нет, – признаюсь хрипло.

– А почему?

Господи, каким же глупым все кажется сейчас, когда говорю с этой посторонней женщиной. Глупым и простым одновременно.

– Потому что я не такая, какой хотела быть.

– И что вам помешало?

Она ловко ведет меня к тому, о чем следовало подумать уже давно. Подумать и – переосценить. С нарастающим чувством тревоги я покорно слеую по пути, проложенному психологом. Хочу и одновременно боюсь прийти к выводам, теперь кажушимся весьма очевидными.

– Помешали мои молодость и глупость, – усмехаюсь устало. – А главное... моя внушаемость.

– Поясните, – мягко просит Марта.

– Моя... свекровь, – слова даются тяжело, словно каждое – неподъемная гиря, которую пытаюсь с себя скинуть. Это настоящая добровольная пытка, но я продолжаю:

– Она никогда не одобряла наш брак. Считала, что я не их круга и была абсолютно права. А я... я так боялась, что со временем Ян поймет, насколько я не вписываюсь в его жизнь, что сделала все, чтобы стать его достойной. Чтобы доказать этой женщине, что заслуживаю быть рядом с Яном.

– И у вас получилось?

– Измениться – да, – выдыхаю с болью. – Заслужить ее одобрение – нет.

– Рита, ваши отношения с мужем ведь постепенно ухудшались? Вы не думаете, что это может быть связано с переменами в вас?

А я не думаю, я уже в этом уверена. По позвоночнику ползет холодок ужаса. Что, если я сама виновата во всем, к чему мы теперь пришли?

– Что я натворила? – шепчу в ужасе и в ответ слышу успокаивающее:

– Вы забыли о важной вещи, Рита. Ян полюбил вас такой, какой вы были.

«Меня трогало в тебе все. Даже твоя наивность...»

Не дождавшись реакции, психолог продолжает:

– Скажите, вы довольны своей нынешней жизнью?

И тут я уже не выдерживаю:

– Нет! – буквально выкрикиваю в ответ, вскакивая с места. – И на этом с меня довольно!

– Никогда не поздно все изменить, – последнее, что доносится мне в спину.

Весь ужас ситуации постепенно доходит до меня, ввергая в глухое отчаяние. Вернувшись к себе, запираю дверь на ключ, не желая сейчас никого видеть. Слишком многое нужно обдумать. Слишком со многим попытаться примириться.

Я потратила годы на то, чтобы заслужить чужое одобрение. Я позволила убедить себя в собственной никчемности. Я допустила, чтобы мои мечты и цели отошли далеко на второй план. Я посвятила мужу всю жизнь, хотя он об этом вовсе не просил. Возможно, я своими же руками разверзла ту пропасть, в которую мы скатились.

Но разве мое чувство вины способно оправдать его молчание? Если все пошло совсем не так, почему он не дал мне понять, что мы движемся вовсе не в том направлении? И почему он пошел самым простым путем решения проблем, в то время как я ради него перевернула вверх тормашками всю свою жизнь?

Эти мысли мучают меня всю ночь. А наутро я делаю наконец то, что следовало сделать давно.

Впервые за годы брака, поднимаясь с постели, я не бегу покрывать свое лицо штукатуркой в отчаянной попытке замазать эти совсем не аристократичные веснушки. Я просто умываюсь и, не нанося косметики, выбираю самую удобную одежду из того, что у меня есть. К черту дорогостоящие бренды и дресс-код! Я облачаюсь в простую белую рубашку и беспородные джинсы, подвязываю волосы платком и, прихватив то, к чему не прикасалась годами, выхожу в сад.

Стоит еще совсем раннее утро. Стрелки часов едва подползают к шести. Я с молчаливым удовольствием вдыхаю свежий, влажный после дождя воздух и, расстелив плед, плюхаюсь прямо на траву, не заботясь абсолютно ни о чем.

Положив перед собой альбом, дрогнувшими пальцами его раскрываю. Годами я душила в себе то, к чему шла с раннего возраста. Свекровь считала, что профессия художницы совсем не соответствовала статусу ее сына. Только сейчас я, кажется, начинаю понимать – возможно, она боялась того, что я стану что-то из себя представлять. Что мое имя станет чего-то стоить само по себе, без приставки в виде влиятельной фамилии Григорьевых. Ведь самодостаточным человеком куда сложнее манипулировать.

Впрочем, я допустила это все сама. Но Марта права – еще не поздно это исправить.

Первый штрих выходит неловким и неуверенным. Но постепенно рука инстинктивно вспоминает все, что когда-то умела. Я и сама не замечаю, как карандаш, скользя по бумаге, воссоздает в рисунке одно из самых теплых воспоминаний. Еще один эпизод из прошлого, когда была по-настоящему счастлива.

– Ты снова рисуешь? – раздается внезапно надо мной голос и, вздрагивая, я делаю неверный штрих.

– А ты против? – ошетиниваюсь мгновенно, вскидывая глаза на Яна.

– Нет.

Он чуть медлит, словно ждет от меня возражений, потом аккуратно присаживается рядом. В его глазах стоит задумчивое выражение, причину которого спустя мгновение он озвучивает:

– Я часто задавался вопросом, почему ты бросила рисовать.

– Почему же не спрашивал? – интересуюсь вскользь, делая вид, что полностью погружена в рисунок.

– Думал, что тебе так понравилось вести светскую жизнь, что это отошло на второй план.

Я оказываюсь не в силах сдержать горький смешок. Не давая себе времени задуматься, быстро бросаю в ответ:

– Интересно, о чем еще ты думал?

Его рука ложится на мою и требовательно ее сжимает. Подчиняясь этому жесту, я поднимаю на него взгляд и тогда Ян говорит:

– Главное, о чем я всегда думал – это о том, чтобы тебе было хорошо.

У меня внутри образуется какое-то мучительно-тянущее чувство. Хочется откинуть голову назад и издевательски рассмеяться. От понимания того, как самые лучшие побуждения порой способны увести в совершенно неверную сторону. Ведь разве не хотела и я сама того же? Чтобы ему было хорошо? Но, кажется, выбрала совсем не те способы достижения цели. Я тянулась к запредельным высотам, пытаюсь стать равной Яну, в то время как мне следовало быть прежде всего – собой.

Замечаю, как взгляд мужа спускается к альбому в моих руках. Он удивленно поднимает брови:

– Это же...

– Это мы, – заканчиваю отрывисто.

Да, это действительно мы, образца пятилетней давности. На рисунке нет лиц, лишь два силуэта под одним зонтом, стоящие на Карловом мосту в Праге. Надежно скрытые за пеленой дождя, как за ширмой, отрезающей нас от всего мира.

– Как мы это допустили, Рита? – тяжело выдыхает Ян, не отводя взгляда от рисунка.

Он не уточняет, но я прекрасно понимаю, что имеет в виду. Вдруг начинает казаться, что оба мы – заложники своих демонов, но вместо того, чтобы бороться с ними сообща, только мучаемся поодиночке.

– Куда важнее, что мы будем теперь делать, – отвечаю едва слышно.

И вдруг улавливаю какой-то шум из кустов. Оттуда резко выныривает голова оператора, а следом за ней – рука, и он одобрительно показывает нам большой палец:

– Кадр – во!

Это вмешательство разом портит все. Вскакивая на ноги, я прижимаю к себе альбом, словно так могу удержать внутри чувство единения с той Ритой, что осталась на мосту в Праге, и слышу, как следом за мной поднимается на ноги муж.

Чуть ли не бегом направляясь в дом, я задаюсь лишь одним вопросом – неужели он не понимает, что этот проект нам не поможет? Неужели все, ради чего он притащил меня сюда – это рейтинги проклятого шоу?..

Наверно, мне стоило закончить все в тот момент, когда я вновь почувствовал наше с Ритой сближение. Возможно, оно было придуманным мною. Вероятнее всего – уже завтра мы бы вернулись туда, с чего начали, но мне взаправду нужно было попросту увезти жену с этого проекта. Поставить перед ней те вопросы, что выворачивали меня наизнанку. Решить все вдвоем, а не под прицелами видеокамер.

Да, мне стоило поступить именно так, но я, с отчаянием отбойного молотка, продолжал действовать совсем не так, как подсказывало сердце.

– Родительский день! – объявляет ведущая наутро, когда мы с Ритой в компании других участников заканчиваем завтрак в столовой. – А вечером... нас всех ждет кульминация этого шоу! Догадываетесь, какая?

Ведущая произносит эти слова жизнерадостным тоном, оборачиваясь к оператору, который неотступно следует за ней с камерой.

Как же быстро я привык к тому, что мы с женой находимся в окружении чьих-то жадных, но равнодушных взглядов. Хотя, слова ведущей и ввергают меня в ступор.

Родительский день? Это то, о чем я думаю?

Мои глаза встречаются с глазами Риты. Я быстро пожимаю плечами, давая жене понять, что совершенно не в курсе того, что будет происходить дальше. Но когда смотрю на вход в столовую, в которую царственно всплывает моя мама, хочется выругаться так, что уши завяли бы даже у сапожника.

– Ян! – чуть нараспев говорит мама, подходя к нам.

Вижу все то же, что и обычно. Как ей важно преподнести себя в самом удачном свете. Она скорее инстинктивно, чем зная, куда именно поворачиваться и как выгодно встать, занимает позу в отношении оператора.

– Мама... какой приятный сюрприз, – лгу я, делая вид, что наличие родительницы – это то, чего я и ждал сегодня.

– Для меня тоже. Довольно интересное шоу. Хотя, я и была удивлена, когда узнала, что вы с Марго участвуете в нем. Развод, ну надо же, – хмыкает она, переводя взгляд на Риту.

В этот момент мне хочется встать перед женой и закрыть ее собой. И конечно, вновь появляются мысли о том, что нужно бежать с этого проекта как можно скорее.

– Поговорим об этом потом, – веско говорю я, на что мама качает головой.

Теперь уже ловлю растерянность в ее взгляде, с которой она оборачивается к камерам. Понятно, значит, у нее свои задания от ведущих.

– Нет, Ян, поговорим об этом сейчас. Здесь есть зимний сад, мне сказали. Отправимся туда.

Она вновь всплывает из столовой с видом королевы. Я уже собираюсь сообщить Рите, что в этой беседе совершенно нет нужды, но она направляется следом за моей мамой, гордо вскинув подбородок.

Нехорошее предчувствие, что этот день закончится чем-то неприятным, скребется внутри.

Мы оказываемся в зимнем саду. Я обгоняю жену и все же встаю между нею и матерью. Напряжение такое острое, что впивается в кожу иглами. Мама всегда была против того, чтобы я женился на Рите. Она, по ее мнению, была совсем не нашего круга. Была слишком простой, и ее нужно было «многому учить». А я если и хотел научить жену чему-то, то совсем не тому, что имела ввиду моя мать.

– Ты слишком просто одета, Марго, – тихо говорит мама, надевая на лицо холодную улыбку. – Думаю, мне стоит приехать сюда еще раз, чтобы мы с тобой отправились в салон красоты. И на шопинг.

Рита держится прекрасно, несмотря на то, что сейчас ее свекровь произнесла эти слова на многомиллионную публику.

– Я не думаю, что это хорошая идея, мама. Потому что этот наряд мы с Ритой выбрали вместе, – просто пожимаю плечами прежде чем жена что-то ответит.

Достаточно и того, что я чувствую – она уже заведена.

– Вот как? – удивленно хлопает глазами мама. – Хорошо...

Она делает тяжелый вдох, как будто несет в данный момент на своих плечах непосильную ношу. Хотя, не верю этому ни на грамм.

– Значит, вы разводитесь, – говорит, приложив руки к груди.

Сама же вновь встает так, чтобы ракурс на экране был наиболее выгодным.

– Нет, мама, мы не разводимся, – тихо, но с нотками предостережения отвечаю я.

– Но зачем же вы на этом шоу? – искренне, как мне кажется, удивляется мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.